

Диего Себастьян Эль Мариачи Монтеро. Солнце и ветер

Жанр произведения: Роман

Произведение написал автор BookBox Александр Бережной

Ссылка на публикацию

Сижу на камне, в тенёчке, но даже тут, в тенёчке, жарко: солнце уже почти в зените. Жарко и душно. Одновременно.

Смотрю на свои ботинки. Старые, потёртые, кожа потрескалась на сгибах. В них я приехал в город. В них же приносил омерту дону Леонардо.

В них же меня отослали куда подальше.

Солдат.

Простой солдат.

Только жалованье и имею – раз в месяц, да и то задерживают.

Нет, я не думал, что за два года смогу стать капо, но ботинки-то ботинки-то новые мог бы себе позволить?

Не смог.

Плохо шли дела у семьи Рицотти.

Хуже некуда.

После гибели семьи Монтезини, думалось, вот заживём теперь. Не осталось ведь больше в городе крупных семей.

Как же я ошибался.

Объявилась Монстр, дочь семьи Монтезини, она убила сына дона Леонардо, соттокапо семьи, и ещё много солдат, иных покалечила.

Мне повезло: новичков в городе не держат, для новичков полно работы в других местах. И стоит признать работа эта мало похожа на то, что я себе представлял, а больше похожа на то, чем я занимался дома, когда жил ещё в доме родителей.

Когда Монстр была изловлена. Мне вновь показалось, что вот теперь-то всё наладился. Думалось даже, что теперь-то из-за того, что солдат меньше стало,

вытащат меня из той дыры, в которой я провёл почти два года.

Нет.

Нашлись люди подостойнее. Связи. Они решают если не всё, то многое.

А потом новость – в соборе Святого Иакова почти половину солдат семьи поломал-покалечил какой-то пришлый и Монстра при этом выкрал из тюрьмы.

Пока мы в город добирались – на дона Леонардо вновь покушение случилось, и новый приказ: в развалинах этих будем с пришлым драться.

Много нас таких из окраин понагнали сюда.

Оружие дали.

Пулемёты прямо с армейских грузовиков выгружали.

Ящики с патронами, гранатами.

Есть всё-таки связи у семьи Рицотти.

Привезённого военными мне не досталось. Дали винтовку. Старую. Она лежала у меня на коленях. Дерево приклада было тёплым. Откуда-то доносился запах кофе – кто-то из старших разливал его из термоса, ругался, что остыл.

Я старался сосредоточиться хоть на чём-то на ботинках, на камешках, на мыслях о прошлом, лишь бы не слышать то, о чём говорили рядом.

Выходило не очень.

- Ты слышал, что говорят про этого дона?

- Что говорят?

- Говорят, его нельзя убить. В него стреляешь, а он не падает.

- Не может быть такого.

- Я видел его мельком, когда он в дом дона Леонардо заявился, сразу после нападения Монстра да ещё в компании маршала карабинеров. У него рожа такая будто специально кто-то её ножом полосовал.

- У маршала?

- У дона Адамо.

- Кого?

- Дон Адамо – так зовут того, кого мы ждём.

- А-а-а-а.

- Так он что один будет? Тогда зачем нам всё это.

- Говорю же – его так просто не убить. Я с Майлзом говорил, он в соборе был. Стреляли они в него. Стреляли, а он стихи какие-то им читал.

- Какие стихи?

- А я почем знаю?

Ветер изменился и запах кофе сменился запахом табака.

Посмотрел вокруг.

Колонны, арки, каменные скамьи, песок.

Песок отчего-то показался мне каким-то странным, нездешним.

Невдалеке каменный обломок. Из него торчит клинок. Кто и когда его туда забил – не известно, но ходили – пробовали вытащить.

Посмеялись все, наблюдая за потугами смельчаков.

Момент, когда появился он, я прозевал.

Судя по всеобщей суете – прозевали все.

Лицом дон Адамо был действительно таким, каким его описывали.

И тут же подумалось «А вдруг и остальное о нём правда?»

Как сражаться с тем, кого пули не берут?

Додумать, испугаться больше я не успел – стрекатнула пулемётная очередь.

Мимо.

А потом… потом запел… о чём – было не разобрать: все начали стрелять.

Он шёл медленно.

Слишком медленно для того.

Как будто ему некуда было спешить.

Голос его заполнил пространство так, как не мог бы заполнить ни один обычный голос.

Дым. Пыль. Серое, мутное марево, сквозь которое едва пробивалось солнце.

И голос.

Я уже не видел противника, но я слышал его страшный, торжественный голос.

Смолкают выстрелы. На смену им приходят человеческие крики, кошмарным хором.

Из пыли выскальзывает кисть.

Она сжимает и ствол винтовки, и мою руку, её державшую.

Слышится треск и хруст.

Треск – это винтовка.

Хруст – мои кости.

Мне ещё не больно. Мне страшно.

Чудовищной силе этого мало.

Я взмываю в воздух.

Неужели – конец?

- Il mio Vento, я сколько раз просил будить меня поцелуем, а не этими твоими кошмарами? – почти беззвучно прошептал я.

И улыбнулся.

Широко, как я имею.

Ни одна юная красавица моей улыбке противостоять не может.

Сердце девичье тут же тает, стоит мне с улыбкой своей открытой подойти.

- Il mio Sol, ты же знаешь: твоя наглая улыбка надо мной власти не имеет, поэтому не будет тебе никаких поцелуев.

Моя милая спутница привычно сидевшая у меня на груди и торжественно смотревшая сверху вниз, носик свой острый вздёрнула.

Обиделась вроде как.

А между прочим это мне обижаться надо: от воспоминаний, кошмара этого тут же ребёнком, разбуженным посреди ночи, разнылась покалеченная в том бою рука.

Скрип половиц в коридоре. Едва различимый даже в ночной тишине. Спал бы – ни за что не услышал.

Пришли всё-таки.

Чернорубашечники.

Чернорубашечники – следствие того, что я вернулся в город попрощаться со своими друзьями-знакомыми и при этом все, кто имел уши, услышали о великой миссии мне порученной.

- Джози, слезай с меня, и ушки прикрывай: мне нужно будет сейчас пострелять немножко.

Моя спутница сделала вид, что не услышала моих слов.

Я протянул уж было руки, чтобы, взяв её за талию, снять с себя, но испепеляющий взгляд убедил меня, что лучше не рисковать.

- Диего, я жду благодарность. – Джози обладала великим талантом говорить беззвучно, одними губами.

- Il mio Vento, я живу, я дышу только тобой, ты же знаешь это, и каждый мой вздох, каждая мой мысль лишь о тебе.

- Лжец. – отмахнулась она, но ушки и носик тут же порозовели (видно даже из-под грима). – И это – не благодарность.

Тихий шорох ключа, вставляемого в замочную скважину.

Щелчок механизма.

Джози подобные мелочи совсем не беспокоят: сидит, ждёт благодарность.

Правой рукой тянусь к Beretta M1915, что специально был оставлен на тумбочке.

Только дверь открывает достаточно, чтобы в проёме стали видны оба гостя, стреляю.

Без предупреждения, потому что любой, кто входит в твой номер без стука и без твоего приглашения – уже враг. Враг не заслуживает предупреждения.

- Я всё ещё жду благодарность. Благодарность и извинения.

- А извинения за что, Джози? За что?

- Как за что? Ты убил двоих, а ты же знаешь: я не люблю насилие.

- Тогда не того мужчину ты выбрала себе в любовники, Il mio Vento.

- Мы и не любовники, а лишь партнёры, Il mio Sol. Попрошу не забывать это.

Поток благодарности и извинений, излитый мной на Джози, иную заставил бы лечь в мою постель и выполнить любое из моих многочисленных желаний, моя же спутница всего лишь соизволил слезть с меня.

- Диего, прекращай разлёживаться и давай уже убираться отсюда. Скоро если не друзья этих прибудут, так карабинеры. Уверена, сознательные граждане уже позвонили куда следует.

Умение быстро одеваться – одно из важнейших умений для мужчины, который не хочет встречаться с мужьями-отцами, своих женщин – мной освоено идеально.

Пистолет сунул за пояс.

Поднял гитарный футляр. Фирменный «Geib», а не обычные деревянные коробки.

Уже у двери не мог не оценить себя в зеркале.

Гигантское сомбреро. Чёрное. По краям полей бежит затейливая серебряная вышивка – не просто узор, а переплетение виноградных лоз и шипов, которые выглядят почти колючими на ощупь.

Приталенный жакет сидит на идеально, как влитой – это вторая кожа, но сделанная из плотной, добротной шерсти с добавлением шелка, чтобы даже в городе под палящим солнцем не было слишком жарко. В плечах жакет широкий, но талия затянута туго. На груди – роскошное серебряное шитье.

В вырезе жакета – белая (пусть белая) рубашка. Тончайший льняной батист. Воротник рубашки мягкий, жабо из складок пенится у самой шеи, расстегнутый оставляющий открытой шею.

Широкий кожаный ремень, перетягивающий талию, тяжелый, с массивной серебряной пряжкой. На пряжке, на самом поясе, опять же, узор.

Наконец, штаны – облегающие, но не стесняющие движений, из того же плотного черного сукна, что и жакет. По внешнему шву каждой штанины, от бедра и почти до самого низа, идет длинный ряд тяжелых серебряных пуговиц-конусов. Они похожи на маленькие шишки или наконечники пуль.

Костюм стоил каждой лиры, оставленной мной в салоне семьи Конти, который мне так порекомендовал дон Адамо.

- Диего, прекращай на себя любоваться. Нам бежать надо.

- Джози, должен же я убедиться, что рядом с тобой настоящий красавчик, а не какой-то, Истинный меня прости, disgraziato?

Идём мы быстро.

Почти бежим.

Не к железнодорожной станции, где должны были утром купить билеты и сесть на поезд.

О нет, туда теперь нам путь заказан.

Но разве это можно проблемой посчитать?

Что поездка в купе вагона? Разве ж можно показать там всю страсть мою, весь пыл?

А вот добраться к цели в вагоне грузовом. Кто кроме меня такое приключение подарить ей сможет? Такие чувства?

Джози пританцовывает на ходу.

Её ноги едва касаются земли, и кажется, она в какие-то моменты просто забывает, что ноги должны земли касаться.

- Я хочу петь, Il mio Sol. – звучал её слова.

И отказать я ей не в силах:

- Пой, Il mio Vento, пой.

И в ночи с ветром вместе голос женский зазвучал.

Безумье?

Прихоть?

Я отвечу – счастье.

Пусть поёт и пусть смеётся.

В ней душа земли и моё счастье.

В песне, в танце мы скоро оказались за городом.

И никто нас не ждал у железной дороги, что взбиралась на холм крутой.

У кустов притаились, ожидая состав.

- Il mio Vento, если бы я уже не был влюблён в тебя, то после этого танца и песни этой, клянусь, - влюбился б я в тебя. – предлагая, как сиденье, футляр гитарный на землю опустил.

- Il mio Sol, если б знала я лжеца большего, чем ты, то может быть и поверила словам твоим.

Джози села и замерла.

Спина пряма.

В свете лунном купается она.

Лицо – белее кости.

Глаз вокруг – чёрные провалы.

Кончик носа – милое сердечко темноты.

Губы – чёрные полоски.

И узоры – тончайшие рисунки резьба будто по кости.

Не страшный череп, пошлый, голый – настоящая Катрина – элегантная сеньорита, прекрасней которой нет.

- Неотразима.

- Знаю, лжец.

А вот состав.

Вверх взбираясь, ход свой замедляя.

Подождём ещё.

- Диего!

- Не нужно лишний слов – готов. – склонился я, спину любимой подставляя.

Касанья ног не ощутилось даже.

Огненный цветком, прекрасный юбка расцветает, манящим, дорогим, и внутри вагона грузового пропадает.

А следом – я.

Своя, особая, романтика есть в поездах.

В грохоте колёс, волнам морским, вольным подобном.

В гудках, что родными братьями тем, что на кораблях стоят, приходятся.

В мерном укачивании этом.

Прогулка водная, морская бесплатным даром нам.

- На юг мы едем?

- Нет, Il mio Vento, мы – на запад.

- Но нам – на юг.

- Знаю.

Решил вздремнуть немного я, хоть до рассвета и немного уж оставалось.

- Ты приглядишь за мной, родная?

- Конечно.

- И без кошмаров чтоб.

- Не обещаю.

И перед тем, как смежить веки, не мог, не удержался, спутницей своей полюбовался.

Она сидела у открытой двери вагона, свесив ноги в темноту.

Играл ветер её власами.

И месяц, звезды, лик ей освещали.

Ну что за чудо, за виденье?

Пробужденья миг был не слишком мне приятен, ведь Джози оказалась не со мной.

В спецовке грязной работник железной дороги заглянув в открытую дверь вагона, вопросил:

- Эй, кто там? Выходи быстро.

- Добрый друг, подскажи мне: что за станция?

- Серро дель Агулиа…

Поднялся, стряхнул с себя остатки сна, пыль дорожную, огладил гитарный футляр, обнял его за рукоять.

- Музыкант, ты б выметался, пока кто из начальства тебя не увидел…

Доброй души человек: мог и охрану кликнуть.

- Благодарю, прекрасная поездка. – с уважением и улыбкой протянул я ему те деньги, что на билеты были мной заготовлены, да не пригодились.

Мятые цветастые бумажки, оказавшись в тёмных, мозолистых, руках работник, вызвали у него ответную улыбку, в которой мне увиделась изрядная доля непонимания.

- Обращайся. – отошёл в сторону работник, позволив мне выпрыгнуть из вагона.

- Обязательно. – слегка склонился я в благодарном поклоне и заприметив Джози, направился к своей спутнице.

Джози сидела от зноя дневного укрывшись тенью.

У ног её котик с шёрсткой дымного серебра в пыли лежал, пузико своё светлое небу подставив. Глазки закрыты. Спит. И шум дороги-поездов отдыху его не помеха.

- Джози, моё дыханье, как настроение? Готова ль ты к новым приключеньям?

- Тебе ж лишь бы приключенья. А еда?

Остра. Точна. Как шпага.

Обнять бы, в знак признанья: за тихий сон поблагодарить и за заботу.

- Можно б и поесть. Но где?

- Я знаю.

И котик глаза отрыв, зевнул.

Посмотрел он на мою подругу, на меня.

Зевнул опять.

Поднялся и пошёл куда-то.

- Что стоишь? Идём за Эль-Ниньо.

Так и пошли мы трое: котик, Джози и я – в хвосте.

Я – мужчина.

Я веду в танце.

Я начинаю разговор.

Я иду первым в любой дороге.

Но ради Джози я могу и последним идти, ведь нет ущерба моей мужественности в том, чтобы следовать за ней, тихо любуюсь моей спутницей со спины.

Наслаждаюсь живым каскадом тёмных, густых, живых, словно ночное море, волос, что колышутся в такт шагам, манят, зовут коснуться. Вдыхаю аромат цветов, вплетённых в них.

Бархатцы. Розы.

Смотрю и вижу не одежду, а видишь музыку, отчего-то решившую обрести плоть не звуком, а тканью, что кань сидит на Джози как влитая, облегая тонкую талию так плотно, будто она родилась в этом чёрном бархате. Никаких лишних складок – только безупречная линия спины. Гордая и неприступная.

Лиф переходит в пышную, невероятную юбку, которая расширяется от талии, как распускающийся цветок, чтобы у самого подола, в игру мог вступить ослепительный, густой тёмно-красный цвет – цвет старого вина, цвет заката.

Ткань струится, переливается и заканчивается кружевной каймой, такой тонкой и нежной, что она, кажется, выткана из марева, которое бывает видно особо жаркими днями.

Именно эта кружевная бахрома колышется над самой землёй, не касаясь её, и когда Джози идёт, эти тёмно-красные волны ходят ходуном, словно пламя в очаге.

В пыли за нами тянутся две дорожки следов: оставленные Эль-Ниньо и мной.

Дорога пыльная, белая от известняка, привела нас к зданию с облупившейся краской и решётками на окнах.

Двор с колодцем, пара чахлых апельсиновых деревьев, шумная ватага детворы.

Приют.

Наш провожатый, не без оснований опасаясь за своё здоровье, не повёл нас через двор, - приют обошли мы по широкой дуге и, перемахнув через ограду, оказались у распахнутой двери, за которой начиналась кухня.

Входить котик не стал: сел у порога и замяукал.

Требовательно так, нагло.

- Эль-Ниньо, паршивец хвостатый, ты кого это опять привёл с собой?

Вопрос хоть и задан был котику, но пожилая суховатая женщина, задавая его, смотрела на меня.

- Buenas tardes, Madre. – сняв сомбреро, поклонился я. – Сеньор Эль-Ниньо, как и положено почтенному коту, не мог не показать мне, только что прибывшему в славный Серро дель Агулиа девушку, чьё сердце сотворено из чистого золота, ибо она не только не даёт пропасть сиротам, самим Истинным отданным под её попечение, но и котам бродячим.

Женщина не улыбнулась, но усталая доброта в её глазах сказала мне, всё, что нужно: она смотрела на колоду, из которой торчал топор.

Колода старая, с глубокими зарубками от тысяч ударов. Рядом – куча щепок, сухих, с запахом смолы.

Прошёлся чуть вперёд. Поставил футляр, чтобы он постоянно был в поле моего зрения. Положил сверху сомбреро, жилет и рубашку.

Вытащил топор, поставил полено, размахнулся.

Удар.

Глухой звук и отзвук боли в искалеченной руке.

Тоже действие проведал с образовавшийся половинками.

Повторил всё с начала.

И ещё раз.

И ещё.

Чуть ускорился, подстраиваясь под ритм, который барабанила Джози на гитарном чехле.

Мелодия без слов.

Лишь стук её пальцев, стук топора и боль в руке, с браслетом уродливого шрама, подаренного мне доном Адамо.

- Hijo, довольно. – окликнула меня суховатая женщина, которая я теперь понял была местной настоятельницей.

Я замер.

- Это чтобы потом вытерся. – повесила она на гвоздь рядом с рукомойником полотенце.

Джози стояла в стороне, прислонившись к стене, и смотрела как я моюсь.

Без смущения.

Эль-Ниньо, сытно облизываясь, прилёг у ног Джози.

- Вода, мне будет достаточно её лишь одной.

- Я помню, Il mio Vento, я помню.

За ужином компанию мне составила настоятельница. Остальные немногочисленные взрослые обители приюта поужинали с детьми.

После короткой молитвы, к которой, хоть слова её давно не срывались с моих губ, но были мне знакомы с детства, присоединился и я, мы притупили к ужину.

Я искренне был благодарен за суп из нута с картофелем, луком и парой капель оливкового масла, который даже пах чем-то мясным, хлеб и даже сваренной вкрутую яйцо.

Под разбавленное водой красное вино и мою улыбку, настоятельница поделилась историями из жизни приюта… бесхитростными… такими же как у всех, такими же как и везде…

- Что-то разговорилась я, старая, это, наверное, от того, что я никогда больше тебя не увижу, hijo… - после долгой паузы вздохнула настоятельница.

Я поклонился в благодарностью и пониманием.

Легко быть откровенным с тем, кого видишь первый и последний раз в жизни.

А есть такие вещи, такая боль и грусть, которой можно поделиться лишь с такими слушателями, как я.

- Благодарю за ужин, Madre, но не найдётся ли у вас ещё одного стакана воды?

Стакан нашёлся.

Ночь опустилась на Серро дель Агулиа, но прохлада, отрада уставших от дневного зноя, ещё не пришла.

- Ты не слишком-то торопился, Il mio Sol.

Оправдания у меня не было, поэтому я лишь виновато склонил голову.

- Il mio Sol, не заставляй меня ждать ещё дольше.

Я поднёс стакан к губам Джози, наклонил его.

Запах, пьянящий запах цветов. И прошлого.

Вода коснулась её губ – сначала медленно, потом потекла в рот, и я тут же вернул стакан в исходное положение.

Она сделала глоток.

- Ещё… - прошептала Джози.

Я наклонил стакан во второй раз.

Вода вновь полилась в рот моей возлюбленной.

- Спасибо, Il mio Sol, – прошептала она, - достаточно.

Объятия, пьянящие объятия её аромата истаяли.

Я сдержал порыв, сделать шаг вперёд, вновь оказавшись в пьянящем облаке запаха Джози.

Приют мы покинули также, как и вошли в него – через ограду.

Ночь обнимала нас, как старая мать, не спрашивая, куда мы идём, а дорога после услышанного мной от настоятельницы у нас могла быть только одна.

В клуб «Эль Галло Негро», обитель греха и разврата.

В место, которое поглощает души, как пустыня поглощает воду.

Чернорубашечники, миссия, порученная доном Адамо, - подождут, - если я могу подарить улыбку девушке, я должен её подарить.

Дорогу к клубу я нашёл по запаху.

Ваниль и мёд.

- Джози, любовь моя, подожди меня здесь немного: я собираюсь немного пострелять. – завидев вывеску, на которой плясал чёрных петух, обратился я к спутнице.

- Людей не убивать. Помнишь?

- Я и не убиваю людей… только врагов… только их, Il mio Vento, моя любовь…

Стихи дона Адамо, которые он читал тогда, когда я ещё служил семье Рицотти, не были никакому стихами, просто я тогда ещё этого не знал, мне никто этого не рассказал.

Они были частью арии хора охотников из оперы «Вольный стрелок».

Я выучил эту оперу.

Теперь же о «Вольном стрелке» узнаю и обитатели «Эль Галло Негро».

Вход – не просто дверь. Это арка. Высокая, в стиле колониальных особняков, с резными деревянными створками. Свет изнутри льётся жёлтый, масляный, липкий, как запах мёда и ванили, приведший меня сюда.

У входа – двое. Один в костюме, с руками, скрещёнными на груди, и скучающим видом. Второй – у двери, правая рука чуть отведена за спину. Там у него кобура.

Не прячусь.

Не ускоряюсь.

Иду как по своей улице.

Охранник в костюме делает шаг вперёд.

Я обещал Джози не убивать людей.

В костюме падает с пулей в бедре. Кричит.

Второй начал доставать оружие – его правая рука пошла вниз, к поясу.

Слишком медленно.

Пуля пробивает ему плечо.

Мужчина роняет свой Smith & Wesson .38 Special.

Толкают дверь ногой.

Вхожу.

В обитель порока, которая как мановению волшебной палочки замерла в ожидании.

Посмотрите на меня, сеньоры, королю подобен я!

Или моей власти вам кажется мало?

Снимайте-ка шляпы, сеньоры!

Снимете, ведь так? Хе-хе-хе!

С улыбкой декламирую я заученные строки, ранив ещё двоих.

В суете и крике поднимаюсь я по лестнице вверх туда, где корень этого дурманящего запаха, этой ванили в меду.

Могу ли я, сеньоры,

Пригласить вас в следующий раз пострелять?

Вы ведь и другим уступаете, сеньор!

Ну что, придете? Хе-хе-хе?

Доны местных семей за карточным столом.

Сидят.

Нет страха в их глазах.

Они – хозяева Серро дель Агулиа.

Хозяева этой жизни.

Гибнут, получают увечья простые солдаты, а не доны и члены их семей, находящиеся под защитой древнего закона «Famiglia è sacra».

Я обещал Джози не убивать людей.

Два выстрела.

Два трупа.

Магазин пистолета пуст.

На выходе поднял револьвер.

Водитель Hispano-Suiza H6 «Torpedo», принадлежавшего одному из убитых мной донов, с радостью согласился увезти нас с Джози из города.

Револьвер, упёртый человеку в череп, делает этого самого человека крайне сговорчивым.

Пока автомобиль уносил нас прочь от клуба, я рассказал водителю всё, что ему нужно было услышать: о великом герое, взращенном доном Адамо и признанным Мечём-в-Камне, о великих дарах, которые передал король фей своему ученику, о том, что пройдётся этот герой по землям и выжжет с корнем скверну, и никто не сможет его остановить.

Водитель скорее всего принял меня за какого-то ненормального, но мои слова и не были адресованы ему, а начальнику штаба Отто Вайдингеру, стоящему во главе чернорубашечников.

Автомобиль, поднимая пыль, гнал обратно в город.

Водитель был сильно удивлён, что остался жив.

Для меня этом ничего удивительного не было, ведь я обещал Джози не убивать людей.

- Душно мне было в теснине улиц, средь камня, средь суеты, лжец мой, неисправимый, дай мне солнца, дай мне радость.

Простор равнины для Джози будто создан, рождён.

Для платья её, для танца.

- Il mio Vento, пойдём, побежим же. Нас ждёт и дальше дорога – на юг.

- Уже обещанье своё решил ты исполнить?

- Я сказал – я исполню.

- Не ври мне: я знаю, ты – лжец.

- Дыханье моё, сердце, увидим мы море, увидим и пляж мы песчаный, и чайки криком своим гимн славный споют.

- Поверю – так и быть. Мы – девушки – падки на сладкую ложь.

- И на танцы?

-… и песни.

- Начнём?

- Уже.

Всплеснула юбка.

Цветок.

Огонь.

И в ночи этой, в жизни ничего прекрасней быть уж не могло.

И поезд новый, длинный.

В этот раз – на юг, на море.

В танце мы влетели.

Пусть ищут нас, пусть ищут.

Оставлю я и на новом месте крошки, чтоб ищейки злые след не потеряли, чтоб шли за нами, чтобы шли.

Я здесь, я весел, я опасен.

Поймайте меня.

Убейте ж меня.

Вызов мной брошен, я жду.

- Любовь моя, моё дыханье, дай мне сна немного, дай отдохновенье.

- Il mio Sol, кошмаров много. Мне их не сдержать.

- Пусть будут, ведь с пробужденьем знаю – будешь рядом ты.

- Так спи же.

- Сплю.

Дождь, окутавший мир своей плотной серой пеленой. Холодный, злой. Обративший землю в липкую, скользкую грязь, и отказавшийся эту же грязь смывать с моей одежды, с моих рук, вбивая их каждой своей новой каплей всё глубже в ткань, в плоть.

Ботинка не хватает – хромаю.

Собор позади.

И криков обрывки, проклятий.

Грязи полный мешок за плечом.

Тяжёлый.

И мокрый.

Ценнее всего, что есть у меня.

Ноет рука.

Боль сорванных ногтей.

Грязь чавкает под ногами. Смесь извести, песка и земли, превращённая дождём в жидкую кашу.

Я проваливаюсь в неё, выдираю ноги с хлюпаньем.

Шаг – провал.

Шаг.

Провал.

И снова шаг.

- Истинный не простит тебе этого! Ты слышишь меня, Диего?! НЕ ПРОСТИТ!

Я знаю.

- Il mio Vento, ты ведь здесь? Со мной?

- Всё хорошо, Il mio Sol, я здесь.

Глаза открыв, я улыбнулся:

- На юг мы едем – я не соврал.

- Я знаю. Когда сойдём?

- Не знаю. А когда ты хочешь?

- Ещё проедем, шум колёс мне приятен, мил.

В ночи танцем Джози любоваться – наслажденье.

Днём же слушать гитары перебор.

Счастливей меня, удачней – нет в мире мужа.

Я тем живу.

Котик, брат родной Эль-Ниньо, встретил на станции, пообщался кратко, деловито со спутницей моей, и, хвостом поманив, повёл нас за собой.

Я против не был: отметиться б нам не мешало, чтоб Отто след не потерял, чтоб дону Адамо сожалеть не пришлось, что миссия эта мне досталась, ну и, конечно же, конечно, что Джози улыбнулась, чтоб улыбка и на лицах девушек иных расцвела, как расцветает она, когда лики их лучами солнца доброго объяты.

- Эль-Сомбра жаловался, печалился. Хозяйка его, приболела говорит, и помочь ей некому. Вот ждал он, выглядывал помощника-спасителя.

- Сойду я спасителя? Ты мне льстишь. Польщён я.

- С моим приглядом да советами – и ты сойдёшь.

Кружится Джози.

Кружится ветер пыль дороги в воздух поднимая.

Хвостом виляет кот.

Идём.

Дом простой. Не на окраине, не в центре.

Ухожен, чист.

И мне б понравился, быть может он, но запах… опять тот запах.

Мёд и ваниль.

Люблю я их. И по отдельности, и вместе, о булочке мне мамой испечённых напоминают, что в мёд домашний я макал. Но тут другое – тут обман. Тут скверна, мир наш, что отравляет.

Будто мало нам своих, простых, людских грехов?

Гордецов слепых?

Торговцев жадных?

Животных, похотью любовь предавших?

Убийц из гнева, из чувств иных?

Мздоимцев ненасытных?

Завистливых нам мало трусов?

Ленивых мало дураков?

Каблучков щелчок – намёком мне.

Я помню, любовь моя. Я помню.

Людей не убивать.

В дверь стучу, в ритме каблучков, танца, кастаньет.

Нет ответа.

Стучу ещё раз.

И ещё раз.

Есть ответ.

Шаги.

Ругань, маты. Нас не ждали. Нам не рады.

Руку за пояс, и дуло револьвера в лоб упёрлось, под которым рот проклятья изрыгал.

- Тише, тише, не шуми. – с улыбкой я изрекаю, и мужчину, дверь открывшего, внутрь оружием толкаю.

- Кто…

- Молчи, молчи, - его я тут же обрываю, - где она?

- Она?

- Она.

- Она – в подвале.

- Веди. Без шуток. Может дольше проживёшь. Не обещаю.

Уж не упёрто дуло в лоб: в затылок смотрит.

Второй голос.

И голос третий.

Все недовольны шумов.

Суетой.

Улыбкой их я встречаю, и взмахом дула в подвал всех приглашаю.

Эль-Сомбра рядом.

Ярится, шипит.

Во тьме подвала – зверёк забитый.

На цепи.

Нашлась хозяйка – ликует кот.

Несу её в руке наверх.

Болезнь эту мы излечим – в постели у окна, где ветра целебное дыханье, где солнца радость с рассветом заглянёт.

Три гильзы в барабане.

И в подвале – тишина.

Оставив девушку в постели, под приглядом ответственным кота, пошли на рынок я и Джози.

Завтрак нужно приготовить.

Ветер, солнце – хороши, но без еды от них проку будет мало, как от револьвера без патронов.

Кстати о патронах – их осталось только три.

Я не был здесь, но знаю – рынок здесь, как и везде, на площади, у старой церкви.

Рынок, что проснулся солнца раньше, жизнью пахнет.

Денег нет ни лиры.

Пусты карманы у меня, но торгуюсь я будто diablo, будто сам я Сатана.

Спорю, чуть ли не до драки дохожу.

Идёт обмен продуктов на серебро пуговиц наряда.

Прав и тут дон Адамо оказался.

Поклон ему, и мастерству портного из семейства Конти.

Скупившись, идём обратно.

Джози мной довольна.

Готовить завтрак для девушки – мечта любого мужчины.

Курица – в воду.

Будет бульон. Он полезен.

Яйца – варить.

Старой наседке готовка быстрая не грозит – ждать её нужно до обеда, но через час бульон уже я взял.

Добавил немного чеснока, чуть зелени, два отварных яичка покрошил. Солить не стал. Не нужно.

Лепешку рядом положил, чтобы макала Лус в бульон её, и сыра.

- Неплохо, но Эль-Сомбру ты забыл. – оценила Джози.

Права была моя подруга.

Взял мисочку поменьше, налился туда бульона чуть, лепешки покрошил.

- Теперь иди.

- А ты?

- Тут обожду.

- Я быстро.

- Не спеши: едой наполни живот бедняжки, сердце же – надеждой.

- Я постараюсь.

- Не старайся, Il mio Sol, ты сделай.

В комнату вошёл я.

Лус лежит в постели, глаза её открыты.

Прижала-обняла кота.

- Я принёс тебе бульон, - сказал я и улыбнулся неотразимо, как умею, - поешь его.

Испугана, в смятенье.

Чувства Лус мне понятны.

- Не беспокойся: плохие люди ушли и не вернутся, а ты – поешь. Еда полезна. – успокоил я её, и поднос с бульоном поставил рядом.

Завидев мисочку поменьше, что на пол я опустил, Эль-Сомбра всё верно понял: из рук девичьих выпрыгнул он тут же и начал есть.

Он – заслужил.

Заступник и защитник.

- Но кто вы? – голос Лус был тонок, был он слаб.

- Я – Солнце, а там вон – Ветер.

- Где?

- Не важно – ешь.

Есть не стала.

На меня глядит.

- Я – Лус.

- Я знаю: Эль-Сомбра моей возлюбленной сказал.

- Коты не говорят.

- Я знаю, Лус, я знаю, а теперь – поешь, после сходим мы к реке – искупаться тебе надо. Нас ждёт дорога. И пирог.

- Пирог?

- Пирог.

Тесто быстро замесил.

Пока поднимется – как раз к реке успеем с Лус сходить.

- Nodriza ты, Il mio Sol, напои ж меня водой – я пить хочу.

- Как пожелаешь, дорогая.

Стакан водой наполнил, и аккуратно, по глотку, поить я Джози стал.

Пьянит меня её близость.

Дурманит аромат.

И улыбка эта.

И взгляд.

Уста манят, нет сил, причины нет им отказать.

- Не получишь ты поцелуя, как не проси ты, не пытайся. – дистанцию она вмиг разорвала.

- Сейчас, быть может, нет, но что там с завтра?

- И завтра.

- Тогда подожду я послезавтра.

После купанья Лус платье новое своё, мной купленной на рынке, получила.

Голубое. Как небо, отражённое рекой.

На поясе – бант белый, как белы её новые сандалии.

Всё в пору – советы Джози, как всегда, оказалось к месту и точны.

А там и тесто подошло.

Мясо с курицы я обобрал, лука, чеснока добавил, начинку изготовив.

Собрал всё и в печь отправил.

- К нам гости. Люди. – сообщила Джози.

Иного и ждать не нужно было.

На рынке меня ж видели все, у кого есть глаза, и кто нужно кому нужно доложил: убийца, разыскиваемый всеми – здесь.

Но поспешили, поспешили.

Всего одна машина. Всего пятеро бойцов.

Пятеро на три патрона.

- Лус, дело важное – за пирогом следи, и бульон в бутылку там, в горшок с крышкой перелей. Нас ждёт дорога, как обещал. И не пугайся – снаружи гром вдруг грянет. – предупредил я, и направился в двери.

Гостей встречать.

И чуть стрелять.

Люди уже вышли из машины.

Не чернорубашечники, люди семей, посланные не столько отомстить за убийство донов, сколько восстановить справедливость.

Не солдаты, каким я был когда-то.

Sicario.

Убийцы.

Старые. Крепкие.

В пыльных костюмах. Не бедных – добротная шерсть, дорогие ботинки. Двое держат револьверы в руках, у остальных – руки на поясе. Они не целятся. Они ждут.

Опускаю гитарный футляр.

Медленно, что б не провоцировать.

Оглаживаю.

Не могу оставить без пригляда, даже сплю, обняв рукой.

- Быстро вы. – искренне похвалил я их.

- Ты – приметный.

- Приказали брать живым?

- По возможности.

- Прежде чем начнём, хочу предупредить: если вам удастся взять меня живым, вам придётся отбиваться от чернорубашечников Отто Вайдингера.

- При чём тут он?

- Я убил его людей. Двоих.

- Ты – безумный ублюдок. Ты понимаешь, что натворил, cabrón?

Понимал я, лучше это, чем они могли себе представить, поэтому пока длилось это мгновенье замешательства и злобы, провалился вниз, вперёд, выхватывая

револьвер, стрелял не целясь, почти в упор, в бедро, в плечо, вновь в ногу, удар рукоятью револьвера, ломая, проваливая внутрь лицевые кости, на последнего, оставшегося на ногах стоять, направил дуло.

Барабан пуст, но в том ли дело?

- Не вынуждай меня выстрел делать, я не промажу, ведь пули мои волшебны, точно цель они всегда разить готовы.

- El Perro Loco. – сплюнул он, бросая в пыль свой пистолет.

Astra 400 – смена достойная пустому револьверу.

Тяжёлый, грубый, но патронов восемь в магазине – прослужит значит дольше.

- Не пёс – влюблённый лишь. – ответил я ему. – Убирайтесь быстро, и своим вы скажите: выжгу я дотла пагубу гнилья принявших, позором всех покрою, и посмеюсь, упав в объятья Отто Вайдингера.

- Ты – лжец, каких я не видала. – Джози рядом оказавшись, мне сказала.

- Для – них, не для тебя, моё дыханье, жизнь моя. – ответил я, пылью кровь стирая и пистолет тяжелый поднимая.

Пирог, в раскалённой сковороде, бульон в горшочке и остальное, на рынке прикупленное, прихватили, в корзинку положили и в Studebaker погрузили.

- Нас ждёт поездка. Кота ты только не забудь. – сообщил я Лус. – Давай быстрее ты, не зевай.

Забрались мы, и покатили.

Отъехать на квартал даж не успели, огонь из окон дома, оставленного, уж вырывался, прошлое стирая.

- Куда мы едем? Не секрет. Есть одна знакомица. Ты верно слышала о ней. Несчастна она и всегда плачет, грех свой страшный не в силах искупить, но таким как ты – защитница она.

- Она – Йорона?

- Она сильна, она добра, она несчастна.

- Но знает каждый – она миф…

- Я – не каждый.

Едем по дороге, едем мы на юг.

Поёт Джози, поёт и ветер.

Урчат мотор, урчит и кот.

Наслаждаюсь я этой передышкой.

Они нужны.

Такие вот поездки.

По дорогам сельским, без суеты.

Чтоб равнинами, полями любоваться, свободой, песней.

Суету же, мысли, оставлю чернорубашечникам да семьям: у них там планы, чужие взгляды, там их злость.

У нас – дорога.

И пирог, что отменно пахнет.

- Диего, ты поешь. – прервав песню, сказала Джози.

И я поел.

Вместе с Лус.

Пирог отменный.

Эль-Сомбра оценил его тоже.

Едем дальше.

Остановка наша – у реки, где слышен плачь «Ay, mis hijos!»

О, дети, вы мои…

Остановись.

Вышли.

Течёт река.

- Madrecita Llorona, взываю я к тебе: приди. С мольбой и просьбой явились мы во владения твои.

Сначала – тишина.

Птицы и сверчки замолкают.

Замерла река.

Пришла та, что звал я.

Под едва слышный женский плачь.

Её одежда – не платье, и не саван – длинная рубаха, в которой в пусть последний все идут.

Лицо сокрыто ребозо.

Не шла она, над берегом, плыла, ступни туманом призрачным сокрыты.

- Muere, mentiroso! – узнала она во мне мужчину.

С обидой старой в горло пальцы её моё вонзились.

Тьма сгустило.

- Madrecita Llorona, no lo toques! Él es mío! – слышу крик я Джози.

И мир померк, открывая дверь кошмару.

Меня вбивает в камень.

Воздух вылетает с мокрым, рваным звуком.

Внутри что-то смещается. Я чувствую, как трещат ребра, не слышу – чувствую.

Зубы лязгают, язык прикушен, во рту – горячее, соленое, вязкое.

Я лежу на спине. Пыль оседает на губах, на глазах. Каждая пылинка – как битое стекло. Не вздохнуть.

Рука. Ниже локтя – лишняя, чужеродная вещь. Кость торчит наружу. Кровь.

Но страшнее боли, страшнее, криков поверженных солдат и вида собственной искалеченной руки – он.

Дон Адамо.

Он идет.

Ко мне.

Не обращая внимания на иных.

Идёт, чтобы закончить то, что начал.

Чудовище из кошмара, что положит конец моей глупой мечте.

Прости меня, мама, прости и ты, mi amor, сегодня я умру.

- Il mio Vento, ты спасла меня. – открываю я глаза.

Пропала хватка с горла.

- Опять, Il mio Sol. Опять.

Пуст берег.

Лишь мы.

- Как Лус? Как кот?

- Они – в порядке. Приняла Йорона их. Ты рад?

- Конечно.

- Ты рисковал.

- Cobarde не достоит ведь тебя. Или твои вкусы изменились?

- Мне не нравятся лжецы, не трусы. – и чуть позже. – Ты не трус, ты – лжец.

Укол в сердце.

Больнее боли проснувшейся в руке.

Больнее страха.

- Прости меня, не покидай меня, Il mio Vento.

- Поспи ещё, Il mio Sol, дождись рассвета.

- Ты рядом?

- Всегда, Il mio Sol, всегда.

Поспал я.

В росе проснулся, объят речной прохладой.

Капли влаги с себя стряхнул.

- Ты будто пёс, Диего.

- Гав. – ответил я и улыбнулся.

Отмахнулася она.

- На юг дорогу мы продолжим?

- На юг, к морю, и к мечте, дорогая Джози.

- Ты лжец – уж я-то знаю, но пока тебе я верю. Соврав однажды, соврёшь ли в раз второй?

- Нет.

Кус пирога оставила мне Лус, много шерсти во всех местах – Эль-Сомбра – и сверточки тамале оставила Йорона.

За завтраком вспомнилось былое:

- А помнишь, Джози, как ездили к реке купаться? Такой же тихой. И купались ведь смеясь, как дети.

- Был ты беден, а я – глупа.

- Но было ж время? Да?

- Было, не забыть, но ты ушёл, не я. Замечу.

- Ушёл я, и вернулся слишком поздно.

- Умолкни, лжец, начинаю я сердиться.

- Умолк.

На горизонте пыль клубится.

Ничего и думать тут не нужно – погоня вышла на след мой.

Как и я рассчитывал, как я хотел.

- Ну что ж, Джози, продолжим мы путь?

Ответом мне – кивок.

Загудел мотор машины, продолжился наш путь.

К чернорубашечникам заглянул – людей лишь ранил, а двоих – убил.

Патронов не осталось, правда, а там уж и бак машины почти пуст, но железная дорога всегда на выручку придёт.

Вновь железный конь несёт нас через страну, на юг.

Не придумать мне, не представить пути прекрасней и светлей.

Со мной Il mio Vento, поёт она, гитары струн касаются её пальцы.

Не жизнь, почти сон.

Мечта.

Предсказуемость, повтор, для меня, как и для любви пыланья, - губительна, смертельна.

В заката мы лучах не едем уж, идём.

Вон не город новый, не вилла, - асьенда, пышная в цвету.

Грех заглянуть: рощи так и манят.

Апельсиновые деревья – гордятся уж собой они.

Плоды налились до предела, золотисто-оранжевы они. Хватает и зелёных, и лишь с желтизной тронутых бочком, но большинство – готовы, ждут, что будут сорваны они.

Срываю.

Отброшена кожура.

Сжимаю мякоть, пою я Джози.

Ем и сам чудесные плоды.

А вот и кот, брат виденный мной раньше.

Эль-Вьехо, назвался Джози он.

К хозяйке нас своей повёл.

В беседке тихой, бугенвиллеей обвитой, сидит одна.

Хозяйка и кота, и асьенды этой.

Сидит, грустит, хоть годы её требуют иного.

Увидела меня.

- Музыкант? Как ты тут оказался, как охрану миновал?

- Судьбой ведом, и песней. Явился я мечтой, ответом вам я на молитвы.

- Наглец.

- Но я ведь прав?

- Возможно.

- Так я присяду рядом?

- Садишь уж рядом, раз пришёл.

Присел я, чашка чая, остывшего с лимоном, придвинута ко мне была.

- Кот ваш, Эль-Вьехо, ничего не успел мне рассказать, но раз привёл – значит надо. Расскажите, сеньорита, откройте тайну: отчего цветок прекрасный цветёт тут, взглядов людских сторонясь?

- Не сеньорита я… сеньора…. – ответ был и начался рассказ.

Бывает так, что с резвою лошадкой в упряжь ставят седого ишака.

Такое сплошь и рядом.

Не могла лошадка семье ведь отказать…

Грустит теперь в беседки бугенвиллеей обвитой, историей со мной делясь.

- Кликните ж ы прислугу: печаль вашу я развею. – улыбнулся я, так что хотелось мне верить.

Явился человек, ему я и сказал:

- Друг добрый, скажи сеньору: приглянулась мне его сеньора, за неё готов стреляться я.

Хоть звучало это как дурная шутка – поверили все мне.

Седой сеньор явился, сам, не людей послал, как иные б поступили.

Он идёт не спеша. Сапоги старые, военного образца.

Белая рубаха, чёрные штаны.

Руки левой нет, узлом завязан рукав.

В правой же – коробка.

- Дон Рафаэль де Альба-Викто. – представил он мне.

- Диего Себастьян «Эль Мариачи» Монтеро. – представился и я.

- Жену свою шуту я не отдам, но позволю за глупость извиниться, и убраться невозбранно.

- Не шут я, – Эль Мариачи, и шутки нет здесь никакой: жены своей муж не достоин, если не видит он её страданий.

Не показал своего дон удивленья: давно его лицо утратило былую живость, чувства.

Но глаза.

Вот они мне врать не будут – не ждал он слов подобных.

- Мои дела с женой – мои. Иным в них ходу нет.

- Тогда – дуэль.

- Пистоли зарядите?

- Наука эта мне известна. Ждите.

Два дуэльных пистолета, колесцовых, зарядил я споро, позволил дону Рафаэлю выбрать свой.

Он выбрал.

Только лишь теперь, в мгновенье это, сеньора поняла – не представленье это, и не шутка.

Сейчас тут будут убивать.

За грусть её, и за обиду.

За в сердцах брошенные слова сеньорой, и за те, что не сказаны ей были.

- У меня свой пистолет. Дон не возражает? – спросил я.

- Нет.

- С десяти шагов?

- Меня устроит.

Разошлись мы и обернулись.

Направили на соперников мы дула.

Мог убить, но лишь ранил он меня, глупец.

Боль больнее пережил я.

- Может, признаете, всё ж: не для вас сия сеньора? Жизнь сохраните вы, не брак. – спросил я пред тем, как нажать на спусковой крючок.

- Может и так, но пусть она сама мне это скажет, поэтому – стреляйте. – был его ответ.

Вскрик сеньоры.

Бросилась она к мужу, его спасая.

Но поздно – нажат мной спуск.

Спуск нажал, но магазин ведь пуст давно, истратил я патроны.

Раздался щелчок простой, не выстрел.

Сеньора всё сказала: криком, шагом, бросившись между нами, чтобы спасти.

Бывает так: в иллюзиях живут люди, считая счастье своё цепями.

Бывает так, что с резвою лошадкой в упряжь ставят седого ишака.

А бывает так, что ишак тот не так и сед, как лошадке той казалось и фору многим коням дать может он, и лошадке в упряжи уж лучше с ним, чем с жеребцом безмозглым, что в горячности своей и себе, и её и ноги, и судьбу переломает.

- Не будете вы против: один из пистолей возьму с собой я?

- Бери всё, что тебе угодно. Я – твой должник. Мой дом – отныне твой.

- Я взял уж апельсины – довольно вас разорять. Пойду я – ждёт меня дорога.

- Con pan y vino se anda el camino. – пожелал он мне счастливого пути, вина и хлеба.

В ответ пожелал я им, чтоб тишина меж ними была уютней любых слов.

- Il mio Sol, я почти поверила, что стал ты таким, как был, тем весёлым парнем, что на службу к Рицотти отправлялся.

- Я стал гораздо лучше, Il mio Vento. Я вырос, возмужал.

- И стал лжецом.

- И это… отрицать не стану, соглашусь.

- Ещё б ты стал такое отрицать.

Пошли мы по дороге.

К морю, чтоб его увидеть, как мечталось нам когда-то, чтоб обещание старое сбылось, меж делом выполнив ещё заданье, доном Адамо порученное мне.

Санта-Компанья повстречалась нам в ночи, к полуночи ближе.

Запах горячего воска.

Огоньки.

Сначала – один.

Тусклый, жёлтый, дрожащий, едва различимый, кажущийся призрачным виденьем.

Потом – второй, третий, четвёртый. Десятки свечей. Они двигались по дороге нам на встречу, приближаясь.

Они шли.

Умершие.

И давно, и те, что недавно.

Их лица скрывали капюшоны, длинные балахоны волочились по земле, не оставляя следов.

Впереди процессии, с деревянным символом Истинного в руках, шёл человек. Его кожа была бледна, как известка, и на лбу выступил холодный пот, а ноги дрожали, будто каждое движение требовало от него последних сил.

Мы с Джози сошли в дороги, Санта-Компанью пропуская.

Но остановилась та процессия, рука человека, потянулась в мою сторону. Губы его шевельнулись.

Услышал я его слова:

- Te toca a ti. – сказал он мне. – Теперь очередь твоя.

Я замер.

Холод пробежал по моей спине.

Знал я историю эту с детства, как знает её любой.

- Él es mío. – заступила Джози ему путь.

Опустилась рука.

Процессия вновь пошла.

Медленно.

Бесшумно.

Процессия растворилась в ночи так же внезапно, как и появилась.

Свечи гасли одна за другой.

Запах воска становился слабее.

Моя рука заныла.

Решив, напомнить о себе, о ране новой.

Остановил платком я кровь.

- Ты спасла меня, Il mio Vento.

- А ты меня, Il mio Sol?..

Молчу.

Обнимаю руками мешок.

Ночь, дождь – всё длятся.

Как кошмар, из которого нельзя вырваться, как не беги, сколько раз не просыпайся.

- Мой мальчик… что же ты натворил… - тянутся ко мне пальцы, что руку мне изломали.

Отшатываюсь.

Грязь под босой ногой скользит.

Падаю, мешок лишь сжимая крепче.

Дон Адамо делает шаг в дождь, в ночь, ко мне.

Вода с неба течёт по его изуродованному лицу слезами.

- Нет. – говорил дон Адамо мне.

Не слово.

Боль.

- Нет.

Отступает на шаг назад дон Адамо.

- Нет и не проси.

Дождь.

Ночь.

Грязь.

- Проснись же, Il mio Sol, проснись!

- Уснул я на немного. – извинился я тут же. – Благодарю, что разбудила.

Уснул, прям на ходу.

Что за стыд?

А если б упал я в пыль дороги?

Грязен стал, с лицом разбитым, недостоин рядом с Джози быть.

Вот он – кошмар, вот огорченье.

Но нет времени для грусти – вон сад, а там гранаты – фонари рубиновые. Висят на ветках ярко-красные, тёмно-розовые, матовые. Некоторые уже лопнули, и из них торчат красные зёрна – драгоценные рубины сияют в лучах восходящего солнца.

Не украсть один-другой такой – оскорбить хозяина сада своим равнодушием к труду его, не признать, что плоды достойны того, чтоб заповедь Истинного нарушать.

- Смотри, вон там, гранаты. – вниманье Джози на сокровище обратил я.

- Добудь. Отведать гранаты я будут только рада. Отведаешь их и ты.

- Жди.

И сбегал я, мальчишкой, как тогда, когда лазили мы с ней в сад почтенного Лоренцо, и два граната огромных я принёс.

- Корми меня.

- Конечно. – кивнул я, согласился.

И зёрна, чистейшие рубины, одно за одним я в рот ей вложил.

Затем же путь продолжен был наш.

С рассвета лучами в дверь я дома постучался, что мёдом пах и ванилью.

Дверь мне открыл мужчина грузный.

Он был сильно удивлён, когда упёр я ему в пузо свой пистоль.

- Пройдём, пройдём, мы внутрь, нечего соседей нам смущать. И не шумите, а лучше номер вы Отто Вайдингера наберите.

- Но я не знаю…

- И я не знаю… что за дилемма? Хотя постойте… вы ж чернорубашечник, как и он, а я – тот самый Эль Мариачи, что многих из ваших по стране убил. Позвоните в штаб вы и скажите, что в доме у вас я, уверен – Отто отзовётся.

И отозвался ведь Отто, хоть и пришлось нам подождать.

За время то пистолетом я разжился, а чернорубашечник грузный – дыркой в животе.

- Отто Вайдингер слушает.

- Приветствую я вас и прошу простить меня за стоны – подчинённый ваш, пулю из пистоля получив, всё никак сдохнуть не желает, но не будет же помехой это? Так?

- Всё же это вы, Эль Мариачи. Вполне ожидаемо и вписывается к тот психологический портрет, что на вас составлен.

- Да, это была не шутка. Я рад, что решили вы проверить правдивость слов из телефонной трубки.

- Пока мои подчинённые пытаются найти бойцов поблизости, которых мы могли бы задействовать для вашей поимки, поговорим?

- Конечно, в том и цель сего звонка, чтоб собрали вы людей побольше, чтоб побольше их я ранил, а тех, иных, убил, чтоб семьи тоже не зевали, след мой не теряли, чтоб грызлись мы меж собой как псы-собаки, за меня, как за кость.

- Семьи доставляют нам некоторые проблемы, но всё не так критично, как вам может показаться, и в общем-то вас можно было бы и проигнорировать, позволив семьям самим разобраться…

- Но игнорировать нельзя вам Меч-в-Камне и героя, что самим Адамо Соледадом был воспитан? Так?

- Таков приказ.

- Но что за ответ? Вы чем-то не довольны?

- Буду откровенен: у меня имеются известные сомнения в том, что один человек, даже обладающий чудесным артефактом может что-то изменить…

- И приход Изнанки остановить, Тьмы Неделимой, что пахнет мёдом и ванилью?

- Не так цветасто, но суть вами изложена верно: времена, когда ход истории зависел от действий одного, пусть даже самого уникального персонажа.

- Позвольте не согласиться с вами.

- Ваше право. Но ваше согласие никак не влияет на объективную реальность, в которой вы – лишь психопат, сеющий хаос. Стоит признать: некоторые проблемы вы нам доставили, но ничего что могло бы повлиять на наши планы. И если хотите знать: для меня вы – sahnehäubche, не более того…

- Я не о том, и не надо мне словами странными бросаться: языкам чужим я не обучен.

- А как же «Der Freischütz», которого вы там самозабвенно цитировали?

- О чём вы?

- О «Вольном стрелке»…

- Так сразу б и сказали. Выучил я то, что мне было интересно, - остальное – в мусор, мне оно не нужно.

- Очень зря. В оригинале «Вольный стрелок» гораздо сильнее звучит.

- Возможно… для меня то не важно. Я знаю лишь то, что знаю – остальное пыль…

Наконец умолкли стоны, и в повисшей тишине, голос Джози:

- Il mio Sol, не нравится мне здесь. Пойдём быстрей отсюда.

Извинился я пред Отто, что не дождался я его людей, и пошли мы, побежали – нас поезд ждал, что мчался к морю.

В танце на станцию мы ворвались, к машинисту в кабину мы вошли, и проняться мы попросили, просьбу скромную свою пистолетом подкрепив.

Всё понял добрый человек.

Подал гудок, и тронулись мы с места.

- Мы что ж угнали поезд?

- Как в той твоей мечте.

- Не так виделось мне это раньше.

- Но всё же тоже вышло интересно?

- Вышло, спорить я не стану, но хватит нам разговоров – вон машинист смотрит на тебя как на безумца, хоть извинись ты перед ним.

- Конечно.

Извинился я цветасто за грубость, за пистолет, сорвал с себя сребро я пуговиц, отдал за беспокойство, пообещав, что долго стеснять его не стану: с приходом ночи его я покину.

Он вроде понял, не улыбнулся.

Жаль.

Чуть позже, когда я в топку уголь загружал, историями машинист со мной стал делиться: всё ж понял он, я не враг.

Приятно мне это оказалось.

Рассказ он о человеке со свистком, что, бывает, стоит у переездов и свистит в свисток, предупреждая. Но поезд всё не приходит, а если ответит кто ему – утащит он того.

Я ему – о детях, которые играют у пути. Окликнешь их – побегут они, а потом исчезнут. О детях тех машинист, конечно, слышал.

Послушал я о мрачном контролере, что голову свою снимает, если нет билета у тебя, о El Tren de los Muertos, поезде мертвецов, что в полнолунье собирает пассажиров.

Вспомнили мы Йорону, и танцующую невесту из Донья-Ана, и много кого ещё.

Под конец ему я рассказал об Эль Мариачи, не том, что пел для Смерти, или на скрипке для мертвецов играл, о новом, что улыбался так, что монашки знак защитный без конца творили, а люди злые жизнь свою кончали от пуль его, что промаха не знали.

- Не слышал о таком. – признался честно машинист.

- Теперь – услышал. Эль Мариачи этот – я. – махнул ему рукой и во тьму шагнул, поезд покидая.

Футляр гитарный на песок поставил я.

- Устал ты? – спросила Джози.

- Есть немного.

- Тогда вздремни – а я ещё немного потанцую.

- И за мной ты приглядишь?

- Конечно, тебя я не покину.

Обнял футляр я, и веки смежил.

Ни отползти, ни вытолкнуть из себя последнее проклятье.

И не услышит Истинный грешника последнюю мольбу, не ответит.

Ботинки старые в пыли.

И кровь.

И крики.

И ближе с каждым шагов чудовище, убийца.

Но не на меня смотрит – выше дон.

Не я цель, не я причина: слишком много о себе я возомнил.

Солдат я, не герой легенды.

Вон – тот, другой, кто выше, кто быстрее, кто Истинным и святыми в лоб поцелован.

Сжимает он в руках меч, вынутым из камня, готовый чудовище разить.

А дон Адамо, улыбаясь, объятьями на удар его отвечает.

И счастлив он.

И бой окончен.

Ждёт их торжество, а нас, солдат обычных, лишь муки, боль, недели в лазаретах, чтоб новый шанс получили мы умереть.

- Опять кошмар, Il mio Sol?

- Нет, просто сон о прошлом.

- Я там была?

- Не в мыслях – в сердце, всегда со мной ты, Il mio Vento.

Притопнула Джози, юбками всплеснула, и не понял я: поверила ли мне она, лжецом сочла ли.

На юг, на юг дорога нас вела.

И шли мы, как часто мы ходили: из никуда в нигде, лишь бы чуть побыть нам вместе.

Повстречался нам арройо, русло иссохшее реки, вдоль него пошли мы дальше.

И в этом что-то было.

В дороге, которой лишь мы шли вдвоём, иллюзию мне даровавшей: всё как и раньше.

Нас двое.

Мы идём.

Я – шутки глупые шучу.

Она – поёт и танцует, гитару вспоминает, купить которую нам денег не хватает, и о море, шуме волн и крике чаек мечту мечтает, о том, как встретить рассвет, как встретить солнце, что над горизонтом засияет, и вдыхать свободы ветер.

А я иду и шутки глупые шучу, ещё не зная, что жизнь семьи солдата – не то, что говорят люди.

Повстречался нам Эль Чарро Негро, когда жар дневной ночной прохладе уступил.

На коне он чёрном.

Одет, как и я, он – в чарро.

Костюм его плотный, дорогой, с серебряной нитью по швам. Пуговицы – не пуговицы, вовсе, а маленькие луны, блестят, да света не дают.

Сомбреро – широкое, но всё ж уже моего, с тяжёлой серебряной кантильей по краю.

Строже вид его, печальней.

Не праздник, а траур видом своим несёт он.

Улыбка – не добрая и не злая на лице его.

Руки в перчатках из тонкой кожи чёрны, как мокрый уголь. Одной держит он поводья. Вторая ж лежит на бедре покойно.

- Поклон портному, что костюм твой пошил. – сказал он мне, остановившись.

- Передам, если ещё свижусь, слова я ваши Энрико Конти, - польщён он будет. Сомненья в том у меня нет.

Эль Чарро Негро шире улыбнулся и кивнул, и тронуться в путь готов был, но я его остановил:

- Глотка воду у вас не найдётся?

- Глоток?.. найдётся, но плату возьму я непомерну – страшилки из детства не забыл? И слова Адамо ты верно помнишь?

- Помню всё я, не забыл, озвучь же плату, - там решим.

Джози рядом.

Тоже ждёт.

Эль Чарро Негро улыбнулся тише.

Снял с себя он флягу серебра старого, с чернью, мне со словами протянул:

- Услуга за услугу: до моря её ты доведи, сочтёмся тем.

Сказал и путь он свой продолжил, оставив нас со своей флягой.

Счастлив был я этой нашей с ней прогулкой. Пьян.

И слов не нужно нам.

Лишь танец, лишь солнце, лишь ветер.

Свобода.

Мечта.

Сон.

Но пробужденье близко.

Вот пыль уж рядом.

Отто Вайдингер послал за мной сквардистов, ветеранов уличных боёв.

На лошадях.

Черны рубашки их, как и фески их черны.

Черны их души, ванилью, мёдом пахнут.

Пятью патронами в обойме стало меньше.

Идём мы дальше, чтоб, выйдя на дорогу, заставу карабинеров повстречать, людей простых и честных, жизнью своей готовых за приказ предательский расплатиться.

- Клятву служения народу, не донам и злодеям прочим, вы давали. – ответил я на приказ их остановиться.

Не остановился ни на миг.

Шагал вперёд, вместе с Джози в танце я кружась.

- Убивал я лишь врагов народа, лишь их одним. То вам известно лучше прочих. Или скажите – не прав я? И по нраву вам, что чернорубашечники творят и доны, забывшие об истинном предназначении семей, и смысле?

К заставе я всё ближе.

Но не выстрелил в меня пока ни один.

Хоть могут – знаю.

- Так отверните ж вы взгляды – не встретились мы просто. Такое ведь возможно? Так?

В танце миновали мы заставу: простые люди понимали, не их бой это.

Стелилась дорога на юг лентой.

Цветастой, гладкой.

Пуль я не считал.

Расстался с серебром пуговиц – иным нужнее, чем мне.

Нет нужды в нём там, куда иду я с Джози.

В собор тихий, бедный мы заглянули, не прошли.

Туда нас кошка привела, мать тех котов, что раньше нам повстречались.

Священник исповедь мою принял, сказав лишь:

- Истинный тебе судья, не я, не люди.

Затем на кладбище мы пошли, к вдове скорбящей, что никак принять утрату не могла и думала уже о страшном.

Была она мне ближе прочих.

Понятны её мысли, чувства.

Ей сказал я, надеясь, что слова мои она услышит.

Сказал то, что сказано было мне однажды.

- Если б Истинный желал наши страданья сделать назиданьем всем прочим, то не сделал бы он так, что скрыть их можно было под улыбкой и бравадой, чтоб каждый видел, что внутри.

Не умолк я, я продолжил.

- Но не желает он ни наших слёз, ни покаяний. Нужны они не ему, а нам. И в том есть глупость, ведь наша грусть – и грусть его. Живи ты дальше, радуйся ты солнцу, ветру, потому что больно Истинному видеть печаль не только ту, что на лицах наших.

Кивнула Джози, и я продолжил.

- Истинный Любовь есть, и кто живет в любви, тот с ним вечно пребывает.

Осталось лишь последнее сказать.

- И знай ты, помни: плоть станет прахом, но не станут прахом Любовь и Страсть. Останутся они пылать, как прежде, хоть стала прахом плоть. Хоть стала прахом плоть. Любовь твоя всегда с тобой, пока помнишь ты её, хранишь её ты в сердце, не скорбь, не боль.

Настало время мне умолкнуть и в знак прощанья поклониться.

И вдове скорбящей, и матери-кошке. И вновь мы шли, вновь пели, танцевали, но почти у самого моря Отто Вайдингер сам дорогу преградил.

Начальник штаба, глава чернорубашечной заразы.

Мёд он и ваниль.

А с ним людей много.

Лучшие из лучших.

Улыбнулся я, на беседу приглашён: исполнил я миссию, что дон Адамо мне поручил почти.

Пухл и мягок Отто.

Вежлив.

Всё просчитал он.

Всё учёл.

Хозяин ситуации добрый он.

Всё объяснить готов подробно.

- Ты – пешка лишь в руке Адамо. – мне он говорит. – Простая пешка, хоть и мнишь себя героем, что Мечом-в-Камне смог завладеть.

- Ошибся ты, умник. Не то я, за кого был тобой я принят.

- Как же? Вон футляр – а там тот самых Меч-в-Камне, может, и дары иные, которыми Адамо тебя наградил.

- Ошибся ты, умник, тебе я говорю. Сам себя ты обыграл. Даров не дал мне дон Адамо. Лишь науку, лишь слова.

- Но футляр, но меткость…

Пожал плечами я, улыбнулся Джози, не ему:

- Не футляр это для меча, и не для гитары, в нём любовь моя дремлет иногда, цветами, бархатцами укрыта.

- Для за бред? Не верю!

Открыл он футляр, дрогнувшей рукой.

La Petaca de la Novia Muerta распахнулась.

Средь цветов лежали кости.

Появился вдруг туман, звуки пропали.

Тени о солнце позабыли.

Стареют все вокруг, рассыпаются в прах.

Шолотль, Забытый бог, близнец Кетцалькоатля, явился сам в Миктлан всех захватить.

Просить и плакать, злиться – поздно, бесполезно.

Поняв, что проиграл партию эту, вскинул Отто пистолет и раз семь нажал на спуск.

Поцелуй пробуждением мне от сна.

- О рядом ты, Il mio Vento, любовь моя, моё дыханье.

Песок и чайки.

И шум волны.

Пляж, и море.

Дошли мы, куда стремились.

Осуществлена мечта.

- Я всегда рядом, Il mio Sol. – отвечает мне она, и слезами смывается маска изящной Катрины с её лица.

- Не плачь, обниму тебя я крепко, как когда-то обнимал. – обнимаю я ту, что много лет не обнимал. – Держать тебя я буду долго-долго, крепко-крепко, и даже по прошествии веков – не выпущу твою руку ни на одно мгновение.

- Обещаешь, Il mio Sol?

- Обещаю, Il mio Vento, mi amor.